

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ИНСТИТУТЫ POLITICAL PROCESSES AND INSTITUTIONS

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 201–225.

Научная статья

УДК [94:341.24](470)(485)(481)(045)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

Асимметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX — начале XX вв.

Зайков Константин Сергеевич¹✉, доктор исторических наук, доцент

Зарецкая Оксана Валерьевна², кандидат исторических наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² o.zaretskaya@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>

Аннотация. В работе исследуются особенности отношений Российской империи со Швецией и Норвегией в контексте асимметричного соседства XIX — начала XX вв. Авторы проанализировали и выделили специфические черты, характерные для соседства империи и малой нации, а также факторы формирования представлений Швеции и Норвегии о «русской угрозе» в указанный период и проследили этапы и динамику трансформации этих представлений в скандинавских странах. Российско-норвежские и российско-шведские отношения насчитывают несколько столетий асимметричного соседства, контактов и конфликтов, которые, безусловно, повлияли на формирование образов «восточного соседа». Собственные страхи, надежды и ожидания шведов и норвежцев, базировавшиеся на представлениях о самих себе, о коллективном «Я», способствовали формированию образов русского «Другого», отношение к которому было неоднозначным и в первую очередь зависело от внутренних предпосылок. Поэтому подробное изучение трансформации образов России в Норвегии и Швеции позволяет по-новому взглянуть на историю взаимоотношений между этими странами, а также выявить внутри- и внешнеполитические интересы норвежского и шведского обществ, связанные с теми или иными образами России.

Ключевые слова: Крайний Север, империя, малая нация, миф «о русской угрозе», российско-норвежские отношения

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00768 «Фундаментальные проблемы трансформации образа русского «Другого» в контексте межгосударственного соперничества в Арктике в XX — начале XXI вв.».

* © Зайков К.С., Зарецкая О.В., 2024

Для цитирования: Зайков К.С., Зарецкая О.В. Асимметричное соседство империи и малой нации на Крайнем Севере: образ русского «Другого» и российско-шведско/норвежские отношения в XIX — начале XX вв. // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 201–225. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

For citation: Zaikov K.S., Zaretskaya O.V. Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian “Otherness” and Russian-Swedish/Norwegian Relations in the 19th — Early 20th Centuries. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 201–225. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.201>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Asymmetrical Neighborhood of the Empire and a Small Nation in the Far North: The Image of the Russian “Otherness” and Russian-Swedish/Norwegian Relations in the 19th — Early 20th Centuries

Konstantin S. Zaikov¹✉, Dr. Sci. (Hist.), Professor

Oksana V. Zaretskaya² Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ k.zaikov@narfu.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6479-416X>

² o.zaretskaya@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1623-3143>

Abstract. The work examines the features of relations between the Russian Empire and Sweden and Norway in the context of the asymmetric proximity of the 19th – early 20th centuries. The authors have analyzed and identified specific features characteristic of the asymmetrical neighborhood of the empire and a small nation, as well as factors in the formation of ideas about the “Russian threat” to Sweden and Norway during this period and have traced the stages and dynamics of the transformation of these ideas in the Scandinavian countries. Russian-Norwegian and Russian-Swedish relations go back several centuries of asymmetrical proximity, contacts and conflicts, which, of course, influenced the formation of images of the “eastern neighbor”. The Swedes and Norwegians’ fears and expectations, based on perceptions of themselves, about their collective “Self”, contributed to the formation of images of the Russian “Otherness”, the attitude towards which was ambiguous and primarily depended on internal preconditions. Therefore, a detailed study of the transformation of images of Russia in Norway and Sweden allows us to take a new look at the history of relations between these countries, as well as to identify the domestic and foreign policy interests of Norwegian and Swedish societies associated with certain images of Russia.

Keywords: *Far North, empire, small nation, myth of the “Russian threat”, Russian-Norwegian relations*

Введение

Россия, Швеция и Норвегия имеют многовековую историю соседства и взаимоотношений на Крайнем Севере. Особенность этого соседства заключалась в том, что это были соседи, разные не только по своим территориальным размерам, но и по своей внутренней динамике развития [1, Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю., с. 2272–2279; 2, Zaikov K.S., с. 154–174].

Россия была огромной многонациональной династической империей, идущей по консервативно-традиционалистскому пути развития, заключавшемся в патерналистской природе власти, осторожном, зачастую реактивном отношении к технологической модернизации и в то же время высокой терпимости к наличию открытых пограничных зон на Крайнем Севере Европы.

Швеция и Норвегия, объединившись в 1814 г. в унию, представляли собой малое государство, стоявшее на модернистском западноевропейском пути развития. В XIX веке Норвегия постепенно двигалась к построению национального государства и стремилась к очерчиванию герметичных политических границ с Российской империей. Швеция, пытавшаяся на протяжении XIX в. сохранить своё геополитическое значение на севере Европы, стремилась как можно дольше удерживать Норвегию в составе унии. Для скрепления этого союза Стокгольм использовал любые аргументы, в том числе образ внешней угрозы, позволявшей консолидировать союзные государства.

Эти внешние и внутренние отличия, которые зачастую были ассиметричными и основывались на воображаемых образах соседа, формировали основу для восприятия Россией и Швецией-Норвегией другой стороны.

Данная проблема остаётся актуальной и в настоящий период. Современная Россия воспринимается северными соседями как источник угрозы «устойчивому развитию» европейских государств. Однако для развития взаимоотношений крайне важно отделять факты от домыслов и реалии от ожиданий. Изучая миф о «русской угрозе», можно извлечь новые смыслы, которые помогут лучше ориентироваться в идеологизированном информационном пространстве современности. Особенно важным в данном контексте является исследование возникновения и последующей трансформации мифа о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии в XIX — начале XX вв.

Мы полагаем, это существенно повлияло на динамику двухсторонних отношений и иногда, к сожалению, приводило к неправильным внешнеполитическим действиям, отражавшимся на самом близком локальном уровне соседства между странами. Цель данной статьи — переосмыслить российско-шведско/норвежские отношения на приграничном пространстве Крайнего Севера Европы в XIX — начале XX вв. в контексте асимметрии соседства империи и малой нации.

Материалы и методы

Статья подготовлена на основе массива исторических документов из архивов России, Норвегии и Швеции, а также историографического анализа работ российских и скандинавских учёных. В целях изучения межгосударственных отношений России и Швеции-Норвегии в вопросах трансграничного сотрудничества на Крайнем Севере в XIX — начале XX вв. использовались фонды Государственного архива Норвегии (г. Осло), Архива института Гувера (США) и Архива внешней политики Российской империи.

Важной группой источников стала периодическая печать, в частности, материалы газет «Aftenposten», «Svenska dagbladet», «Menigmands Blad» и др., так как именно пресса представляет наибольший интерес для исследования формирования и развития мифа о «русской угрозе» в рамках концепции идеологии.

Для реконструкции процесса делимитации российско-норвежской границы 1826 г., российско-шведских переговоров по проблеме трансграничных промыслов финских и норвежских саамов, а также для изучения отношения и взгляда региональных (провинции Финнмарк, Архангельской губернии, Великого княжества Финляндского) и центральных властей России и Швеции-Норвегии к так называемой «лопарской проблеме» и трансграничных отношений в период с 1826 по 1920 гг. использовался широкий пласт источников из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Архангельской области, Государственного архива г. Осло (Норвегия).

Методологическую основу анализируемого исторического материала составили мир-системный и функциональный подходы, признающие мультисубъектность и мультипространственность процесса территориализации физического пространства в исторической перспективе, что важно для изучения образов пространства и его влияния на развитие территории и трансграничные отношения.

Постструктуралистский подход использовался для изучения «символической системы» (образов пространства и соседа) в российско-шведско/норвежских отношениях, влияния этой системы на динамику развития ассиметричного соседства в рамках дихотомии «империя — малая нация».

Также одной из важнейших концепций исследования является концепция «Я — Другой» и отчасти связанная с ней концепция идентичности, в частности — исследование проблемы мифа о «русской угрозе» как средства формирования идентичности. Наконец, концепция коммуникации и восприятия позволяет рассмотреть механизм формирования и распространения мифа.

Проблемное поле исследования выходит за рамки исторической науки как таковой, поэтому необходимо учитывать методологию смежных дисциплин. Одним из важнейших методов, использованных в данной работе, является метод построения моделей — умственных конструкций, которые упрощают реальность, «чтобы подчеркнуть повторяющееся, общее и типичное, которое она представляет в форме черт и атрибутов» [3, Burke P., с. 26–27]. Этот метод используется при изучении процесса формирования и трансформации представлений о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии. Основными показателями в рамках моделей будут являться сектор безопасности (экономический, политический, военный, социальный), источник угрозы, объект угрозы и те, кто непосредственно испытывал страх по поводу угрозы. Важно отметить, что в данном случае речь идёт не только о мифе (так как он касался, прежде всего, прямой военной угрозы), а обо всей совокупности проявлений возможной «русской угрозы», некоторые аспекты которой были вполне реальными.

Помимо основных аналитических методов (анализ, синтез, сравнение), авторы используют набор специфических методов, обусловленных многомерностью изучаемого феномена. Так, ретродуктивный метод, построенный на критике и сопоставлении теорий и моделей, был основой для анализа историографии. Абдуктивный метод, включающий в себя пошаговое, логическое сопоставление исследовательских концепций / гипотез с включёнными в анализ документами и последующую модификацию первых, в зависимости от документов стал основой для отбора и анализа источников, касающихся изучения символической системы и динамики ассиметричного соседства России и Швеции-Норвегии.

Обсуждение

Подавляющее число исследований близких к теме публикации локализовано вокруг отдельных аспектов истории российско-норвежских отношений. Непосредственно истории

ассиметричного соседства России и Швеции-Норвегии посвящена коллективная монография под редакцией профессора Й.П. Нильсена, вышедшая в 2014 г., ставшая отчасти методологической основой для данной статьи [4].

Отдельным вопросам истории российско-шведско/норвежского пограничья, его политическим аспектам посвящены работы О.А. Йонсена, А. Подвысоцкого, Н. Голубцова [5; 6, с. 6–7; 7]. Сжатое обобщение присутствует в публикациях Э. Ниemi, в «Истории Южного Варангера» А. Лунда [8; 9].

Дипломатические аспекты истории разграничения 1822–1826 гг. частично изучены в публикациях К.Ф. Пальмшерны [10] и В.В. Рогинского [11]. Вопрос адаптации коренного населения к установленной границе исследован в работах А. Андресен и М. Лахтеенмаки [12; 13].

Исследования, посвящённые изучению образов России в различных странах, в значительной мере повлияли на формирование подходов к вышеобозначенной проблематике как в зарубежной, так и в отечественной историографии. В первую очередь, стоит упомянуть работу норвежского специалиста по международным отношениям И. Нойманна [14] «Использование "Другого". Образы Востока в формировании европейских идентичностей». По мнению Нойманна, русский «Другой» был средством формирования национальной идентичности в европейских государствах, которые, сравнивая себя с Россией, подчёркивали свою цивилизованность. Стоит отметить, что Нойманн отмечает дискурсивную неоднозначность и амбивалентность образов России.

Значительная часть работ, посвящённых вопросу России в XIX в., относится к исторической публицистике. В XX в. шведским учёным Ф. Линдбергом была написана ставшая классической работа «Den Svenska utrikespolitikens historia. 1872–1914» [15]. Одно из крупнейших исследований, посвящённых образу России в Швеции, а конкретнее, образу «русской угрозы», проведено историком Г. Оселиусом, профессором Шведского национального Военного колледжа [16].

Среди норвежских авторов, изучающих проблемы восприятия России и российско-норвежские отношения, в том числе и на Крайнем Севере, были Э. Ниemi [17], Т. Кристиансен [18] и др.

Отметим, что существующая историография вопроса, к сожалению, не представлена исследованиями, комплексно реконструирующими российско-шведско/норвежские отношения на Крайнем Севере в контексте ассиметричного соседства империи и малой нации XIX — начала XX вв.

Результаты

Общий спектр повестки взаимоотношений России и Швеции-Норвегии на Крайнем Севере XIX в., которая включала вопрос о разграничении российско-норвежского пограничья, регулирования саамских трансграничных промыслов, а также поморской торговли,

сформировался достаточно давно, но только со второй декады XIX в. эти взаимоотношения получили развитие в качественно ином смысле.

Предпосылкой для изменения характера двухсторонних отношений были события так называемой эпохи наполеоновских войн, которая кардинально изменила политическую карту Северной Европы.

Наполеоновские войны стали одним из самых значительных событий, оказавших непосредственное влияние на формирование и развитие взаимных представлений и отношений между Швецией, Норвегией и Россией. Создание унии между Швецией и Норвегией во многом стало возможным благодаря политическим процессам, которые происходили в Европе в первом десятилетии XIX в. По мнению некоторых историков, Российская империя сыграла в этом ключевую роль.

В сентябре 1809 г. между Россией и Швецией был подписан Фридрихсгамский мирный договор. Документ, начинавшийся со слов «Мир, дружба и доброе согласие пребудут отныне между Его Величеством Императором Всероссийским и Его Величеством Королём Шведским», положил конец прямым военным конфликтам между Россией и Швецией, что неоднократно отмечалось историками двух стран. Тем не менее, в 1809 г. факт, что эта русско-шведская война станет последней, был совсем не очевиден. Согласно договору, Швеция потеряла Финляндию (треть территории государства и приблизительно четвертую часть населения), которая вошла в состав Российской империи на правах автономного Великого княжества Финляндского: 1809 г. был действительно *annus mirabilis* («удивительный год») в истории Финляндии [19, Мейнандер Х., с. 76–77].

«Финская война» серьёзно изменила политическую обстановку в Швеции. Военные неудачи и глубочайший экономический кризис способствовали росту недовольства среди офицеров-дворян и молодых чиновников, что в конечном счёте привело к перевороту 13 марта 1809 г. [20, Андерссон И., с. 308]: король Густав IV был свергнут, на престол взойшёл его дядя Карл XIII, в Швеции установили конституционную монархию с разделением властей.

В то же время война и последовавшие за ней события актуализировали в шведском обществе образ России, который обозначался при помощи понятия «*arvfiende*» (наследственный враг). Этот образ формировался на протяжении столетий и был связан с продолжительным военным противостоянием между Россией и Швецией в Балтийском регионе. О.В. Чернышёва, проводившая исследование этого вопроса, отмечала, что многие шведские путешественники и дипломаты XVI–XVII вв. отмечали такие черты русского характера, как «склонность к пьянству, лживость, ненадёжность, ненависть ко всему иностранному, самоуверенность» [21, с. 102]. Подобные характеристики дополняли стереотип «русского варварства», который в то время был распространён во многих европейских государствах.

Подобное размежевание было неслучайным. Образ русского «Другого», который формировался в Швеции, служил для проведения границы между «цивилизацией» и «варварством». При этом шведы, противопоставляя себя русским, наделяли их теми чертами, ко-

торые не должны быть свойственны «цивилизованным» государствам. Контекст формирования данного образа — время доминирования Швеции в регионе, так называемый период «шведского великодержавия».

Русско-шведские войны 1741–1743 и 1788–1790 гг., связанные с идеями возможного реванша, возвращения утраченных территорий и влияния, закончились поражениями Швеции. В 1789 г. в Лондоне был опубликован памфлет «Об угрозе политическому балансу в Европе». Считается, что он был написан «по заданию шведского короля Густава III» [22, Мезин С.А., с. 154] французским журналистом Малле дю Паном. В этой работе рассматриваются три направления агрессивной политики России: Крым, Швеция и Польша; автор призывает европейские державы бороться против России. Тем не менее, к концу XVIII в. укрепившееся положение России, по мнению многих, «дало ей право играть роль в европейской политике» [14, Нойманн И., с. 124].

Таким образом, к 1809 г. в Швеции уже были достаточно сильны антирусские настроения, что объясняется крайне сложным опытом взаимоотношений двух государств на Балтике. Последняя война также во многом стала катализатором появления, прежде всего среди дворян и офицеров, «страха перед Россией» и желания найти могущественного союзника в неизбежной (как считали многие) борьбе с ней.

По итогам войны со Швецией в 1809 г. Россия не только приобрела Финляндию, но и общее пограничье России и Швеции-Норвегии существенно удлинилось и расширилось от финского выступа на северо-западе до полуострова Рыбачий на северо-востоке, увеличившись почти в три раза [23, Похлебкин В.В., с. 307]. Норвежско-российское пограничье уже перестало иметь очертания одного лишь фронта, так как западный и северо-западный участки приобрели чёткие демаркационные линии, но северо-восточная часть всё ещё сохраняла фронтальный статус. Российское присутствие на скандинавском полуострове ощущалось значительно сильнее. Великое княжество Финляндское и финские иммигранты на территории Норвегии олицетворяли русское присутствие, поэтому образ границы среди норвежской элиты стал приобретать всё большее военно-политическое значение.

Россия, опасавшаяся политической нестабильности во вновь приобретённой Финляндии, стремилась максимально примирить финскую элиту с новым имперским порядком. В 1810 г. Финляндия обрела статус Великого княжества, став одной из немногих территорий Российской империи, получивших широкое самоуправление. Определённая самостоятельность в формировании внутренней политики и опасения Санкт-Петербурга потерять Финляндию сформировали благоприятную среду для того, чтобы великое княжество могло влиять на внешнеполитическую повестку и двухсторонние отношения России и Швеции-Норвегии в XIX в.

В 1814 г. Норвегия после драматических событий лета этого же года — войны со Швецией — отстояла своё право на широкую внутреннюю автономию в рамках новой унии со Швецией. Хотя внешняя политика этих стран была формально общая, стремления Швеции

удержать Норвегию в составе унии позволяли Норвегии в течение XIX в. формировать собственную повестку российско-норвежских отношений, где Стокгольм зачастую играл роль арбитра в решении вопросов между Санкт-Петербургом и Христианией.

Таким образом, в 1814 г. закончилось переформатирование геополитической карты Крайнего Севера Европы, а вместе с ней и российско-норвежских отношений.

Одним из острых вопросов в повестке двухсторонних отношений России и Швеции-Норвегии с 1814 г. оставалась проблема разграничения северного фронта, так называемых «общих округов», расположенных на юге Варангер фиорда. С XVIII в. Норвегия, находясь в унии с Данией, пыталась безуспешно инициировать переговоры с Россией о разграничении фронта [24, Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 519–535; 25, Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 855]. Для жителей Восточного Финнмарка территории общих округов были жизненно необходимым пространством, которое в хозяйственном отношении уже давно использовалось норвежцами. Однако лишь в унии со Швецией вопрос о границе получил новое развитие. Это стало возможным по ряду причин.

Во-первых, между Швецией и Россией впервые за долгие годы сложился стратегический союз, и в то же время опасность доминирования России в Европе заставляла короля Швеции-Норвегии Карла Йохана и стокгольмский двор быть очень предусмотрительными к наличию открытых зон на северной окраине Швеции-Норвегии. Поэтому, когда в 1816 г. норвежское правительство предложило Карлу Йохану инициировать переговоры по делимитации границы в «общих округах», он без особого промедления одобрил решение Госсовета. Король понимал, что Александр I, очевидно, не пошлёт русские войска, чтобы отторгнуть Финнмарк от Королевства, но в более длительной исторической перспективе никто не мог гарантировать, что спорные территории не станут предлогом для расширения России на северо-восток, как в случае с Финляндией. Кроме того, делимитация границы была необходима для внутренней консолидации общества в самой Швеции и для удержания Норвегии в составе унии.

Официальные переговоры о разграничении северного фронта начались в 1823 г. после поступления годом ранее в мае — июне 1822 г. в МИД Швеции-Норвегии нот российского посла Петра Сухтелена с жалобами русских подданных — коренных жителей общих округов — скольтов (саамов) на промыслы подданных Швеции-Норвегии на территории их погостов.

В России погосты саамов входили в состав Архангельской губернии, и русская региональная администрация, поддерживая их, считала спорные территории частью Российской империи и обратилась с жалобой в МИД России с просьбой содействовать к высылке норвежских подданных с российской земли. Глава МИД России вице-канцлер Карл Нессельроде не стал изучать все нюансы вопроса о статусе территорий. Вице-канцлер, действуя реактивно, посчитал мнение архангельских чиновников за истину, направил ноту протеста в Сток-

гольм, которая сыграла роль катализатора в постановке вопроса о делимитации российско-норвежской границы на повестку дипломатических отношений двух соседей¹.

Отправив в Санкт-Петербург ответ с предложением организовать исследования трансграничных промысловых конфликтов, Стокгольм тем не менее опасался, что российская нота могла быть вызвана односторонним стремлением России присоединить все спорные территории, в связи с чем после консультаций с Христианией было принято решение вести подготовку проектов делимитации границы и в тоже время предложить России признать это пространство общим и провести границу².

В течение 1823–1824 гг. в Норвегии и России было подготовлено несколько проектов разделения границы, которые дают нам ясную картину ассиметричного восприятия пограничной проблемы России и Швеции-Норвегии, в том числе и восприятия друг друга³.

В России в 1824 г. было ясно, что у генерал-губернатора Архангельской губернии Степана Миницкого нет неоспоримых свидетельств принадлежности спорных территорий к России и, скорее всего, оспариваемые норвежцами территории имеют фронтальный статус. Несмотря на это, Александр I в переписке с губернатором С.И. Миницким, признавая фронтальность пограничных территорий, ставил под сомнение необходимость проведения границы⁴.

Следуя логике имперского мышления, Александр I был спокойно настроен к наличию открытого фронта со Швецией-Норвегией, которая не представляла опасности для России. Император намеревался сохранить фронтальный статус российско-норвежского пограничья в целях поддержки традиционных промыслов подданных России и Швеции-Норвегии. Однако он принял решение созвать двухстороннюю делимитационную комиссию для подготовки летом 1825 г. проекта делимитации границы из-за настойчивости С.И. Миницкого, а также шведского поверенного в делах Нильса Фредерика Пальмшерны.

Зимой 1825 г. С.И. Миницкий и Н.Ф. Пальмшерна фактически вынудили императора принять решение. В то же время, не доверяя обоим просителям, Император решил поручить делимитацию границы независимой комиссии. Решение было вызвано попытками Санкт-Петербурга найти компромисс между интересами коренных жителей Архангельской губернии и политикой добрососедства со Швецией-Норвегией, и данное обстоятельство требовало от Императора необходимости учитывать интересы Норвегии⁵.

В конечном итоге разрешением данного вопроса занималась совместная пограничная комиссия, возглавляемая с российской стороны подполковником Валерьяном Галяминым и

¹ Государственный Архив Архангельской области (ГААО). Ф. 4. Оп. 3. Д. 642 1-50; Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) – л. 10-140.

² State archive in Oslo. RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213; 40, D-RA/S1076/F/Fb/L0001.

³ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1); 42, РГИА. Ф. 1286. Оп. 4 Д. 910; 40, D-RA/S-1076/F/Fb/L0001.

⁴ Национальный Архив Норвегии (НАН). RA/PA-0409/V/L0003/boks — VI-1B; 39, ГААО, Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) — л. 119–153.

⁵ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — VII; 39, ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 1) — л. 139-139об., 153; 41, НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — VII; 41, НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — IX.

со шведско-норвежской стороны — полковником Йоханом Спорком⁶. Подготовленный комиссией Галямина — Спорка проект разграничения по многим пунктам соответствовал проекту комитета Стортинга. Он предполагал смещение линии границы на юго-восток до реки Якобс эль и был успешно одобрен в Стокгольме и Христиании, но смерть Александра I внесла корректуры в процесс принятия решения по вопросу о границе⁷ [10, с. 234].

В марте 1826 г. новый император Николай I внезапно решает внести существенные изменения в проект Галямина — Спорка и предлагает провести границу по р. Паз. Однако уже в апреле император, желая сохранить политику «добрососедства» в отношении Швеции-Норвегии, решил одобрить проект Галямина — Спорка, по которому Россия уступала в пользу Швеции-Норвегии округа Нейден и Пасвиг (район современного Киркенеса) и соглашалась провести границу от реки Ворьема (норв. — Якобсэльв)⁸.

В этой истории мы видим, что, несмотря на асимметрию соседства великой державы и малого государства, обоюдное стремление Санкт-Петербурга и Стокгольма сохранить позитивную атмосферу двухсторонних отношений смогло привести к решению сложного многолетнего территориального спора между Россией и Норвегией. Тем не менее, главная задача конвенции 1826 г. положить конец спорам и взаимному недоверию по обе стороны границы решена не была.

С приобретением новых земель Швеция-Норвегия стала ещё более настороженно относиться к русскому соседу. Парадоксально, что выгодный для Швеции-Норвегии результат разграничения сформировал условия для культивации идей о «русской угрозе», популярных здесь со второй трети XIX в. В целом этой границей были довольны в Христиании. В то же время сдержанность, которую проявила Российская дипломатия при заключении договора, стала одной из предпосылок для ошибочных представлений о русском экспансионизме на Севере. Договор был выгоден для Норвегии, но осознание этого факта норвежской политической элитой способствовало появлению опасений, что впоследствии Россия может потребовать обратно некоторые части старых общих округов.

Предполагалось, что Россия добилась бы больших экономических и военных преимуществ, овладев Финнмарком с его незамерзающими морскими заливами. Тезис о том, что Россия вынашивает тайные планы по присоединению незамерзающих гаваней Северной Норвегии, получил широкое распространение, начиная с 1830-х гг. Предполагалось, что у русских не было доступа к незамерзающему побережью вдоль собственной территории на Севере, и поэтому они нуждались в одном или нескольких норвежских фьордах, чтобы развивать военно-морской флот. Всё это стало геополитической основой для идеи о существовании «русской угрозы» Норвегии [26, Зайков К.С., с. 67].

⁶ Архив внешней политики российской империи (АВПРИ). Ф. 1. Адм., дела. Оп. II-б. Д. 75 ч. I — л. 9-21.

⁷ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — IX.

⁸ НАН, Фонд — Собрание документов Арнольда Рестада RA/EA-4036/H/Hc/L002.

Поэтому значение российско-норвежского пограничья и трансграничных отношений в двусторонних отношениях Швеции-Норвегии и России во второй половине XIX в. только возросло.

В России договор расколол позиции региональной общественности и центральной власти. Жители Архангельской губернии воспринимали границу 1826 г. территориальной потерей. Договор стал поводом для появления и распространения на Русском Севере идеи о «норвежской угрозе», которая в конце XIX в. разделялась и столичными чиновниками⁹.

Таким образом, конвенция породила новые образы соседства на Крайнем Севере, которые нашли своё отражение в двухсторонних отношениях второй половины XIX в.

Как уже отмечено ранее, ещё одним важным событием двухсторонних отношений первой половины XIX вв. стали переговоры об урегулировании трансграничных промыслов. Речь шла о финских и норвежских саамах вдоль норвежско-финского участка российско-шведско-норвежской границы.

Великое княжество Финляндское не принимало участия в переговорах о разграничении Северного Фронттира, но конвенция 1826 г. устанавливала и норвежско-финский участок общей границы, который соответствовал линии, установленной согласно датско-шведскому пограничному договору в 1751 г. Данный факт оказался приемлем для норвежской стороны, однако финский Сенат был возмущён делимитацией норвежско-финского участка общей границы без участия делегатов от финской стороны в переговорах Галямина — Спорка [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 632].

Раздражение вызывали и правила конвенции 1826 г. Финские саамы Энарского прихода, промышлявшие на территории округа Нейден, не получили закрепления своих промысловых интересов в тексте конвенции. Согласно параграфам конвенции, привилегии частично сохранялись только для коренных жителей приграничных погостов со стороны Архангельской губернии. Речь шла о пазрецких саамах.

Ещё более значимым был вопрос о том, какими нормами можно регламентировать пастьбу оленей норвежско-финских горных лопарей. До 1809 г. пастьба оленей была регламентирована саамским кодексом, дополнительным протоколом к норвежско-шведскому пограничному договору 1751 г. Однако хозяйственные потребности лопарей в начале XIX в. изменились: финские саамы стали интересоваться морскими и речными промыслами, которые кодексом были значительно ограничены. В то же время увеличилась миграция норвежских оленей, что не устраивало финских приграничных жителей. Сенат Финляндии надеялся, что кодекс можно отменить и проработать новые правила трансграничного промысла. Вопрос о судьбе саамского кодекса решили оставить для совместной комиссии пограничных чиновников в 1832 г. в Пульмаке.

На переговорах в 1832 и 1834 гг. имперский МИД склонялся к норвежской позиции: за основу урегулирования лопарских промыслов на норвежско-финском участке границы при-

⁹ ГААО. Ф. 1367. Оп. 1. Д. 87 (ч. 2) — л. 232-233об.; 42, РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 910 — л. 1-2, 107.

нять саамский кодекс. Норвегия не считала, что за действиями России стоят какие-то скрытые мотивы, но постепенно с середины 1830-х гг. оценка действий России в переговорах по этому вопросу стала существенно изменяться [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 635–636].

Так, в 30-е гг. XIX в. появляются сведения о существовании военной «русской угрозы» Норвегии. В отечественной историографии принято считать, что представления о «русской угрозе» Норвегии имеют иностранное, прежде всего, шведское и английское происхождение. Однако здесь важно сделать несколько оговорок. Во-первых, отношения между Россией и Норвегией в первой половине XIX в. сложно назвать идиллическими, стоит упомянуть точку зрения Э. Ниemi, который считал, что «корни идеи о “русской угрозе” восходят в первую очередь» к 1810–1820 гг. и связаны с экономической экспансией России на Севере [28, Niemi E., с. 19]. Во-вторых, норвежские либералы стремились достичь большей самостоятельности в рамках унии и в то же время достаточно негативно относились к проводимой Россией политике. Очевидно, что образы «русской угрозы» Норвегии связаны и с внутренними для неё факторами.

Несмотря на борьбу стортинга, в этот период Швеция занимала явное доминирующее положение в унии, что ярко продемонстрировало так называемое «дело Буде». Английские контрабандисты, действовавшие с попустительства шведских властей на территории Норвегии, похитили конфискованные у них товары, а впоследствии потребовали от Норвегии выплатить им компенсацию. Швеция не стала противостоять этому, что привело к достаточно серьёзному охлаждению отношений. «Дело Буде» интересно для нас ещё и тем, что в нём был замешан Джон Райс Кроу — вице-консул Великобритании в Хаммерфесте, совмещавший дипломатическую службу и предпринимательскую деятельность.

В связи с его причастностью к данному делу в 1836 г. Кроу был смещён с должности, однако в данной ситуации он предпринял крайне интересный политический ход. Известный своими антироссийскими взглядами министр иностранных дел Великобритании лорд Пальмерстон получил от Кроу доклад о том, что «норвежский Финнмарк будет в скором времени захвачен Россией» [29, Давыдов Р.А., с. 361]. В скором времени Кроу был повышен в должности до консула и вернулся в Хаммерфест. Сложно сказать, действительно ли Кроу верил в это или просто использовал гипотетическую «русскую угрозу» для продвижения по службе, однако он прекрасно знал о напряжённой обстановке, которая существовала в «пограничных округах» до 1826 г.

Примерно в тот же период шотландский путешественник Сэмюэль Лэйнг в своей книге «*Journal of a Residence in Norway*» доказывал, что Россия попытается захватить северные норвежские территории (хотя Лэйнг в своём путешествии так и не достиг Финнмарка). По его мнению, это было обусловлено фактом захвата Россией Финляндии — тех территорий, которые находились в непосредственной близости от норвежской границы. Идея, что России необходимы незамерзающие гавани на норвежском побережье, придавала представлению о военной «русской угрозе» своеобразную логику. Лэйнг отмечал естественную тягу России к

морям, делая вывод, что описанный им «сценарий событий на Скандинавском полуострове не является пустым домыслом» [30, Laing S., с. 187]. Важно отметить, что в данном случае речь идёт уже не об экономической угрозе, а о гипотетическом военном вторжении России на территорию Норвегии. Эта идея нашла поддержку среди военного командования королевства. В свою очередь шведских либералов тяготили дружественные отношения Карла Юхана с Николаем I, а норвежские прямо высказывались о том, что они негативно относятся к русской политике в Европе.

Кронпринца Оскара I, возглавившего Швеции-Норвегию в 1844 г., не устраивало доминирование России в Скандинавии после 1809 г. Известно, что он желал реванша за потерю Финляндии и ждал благоприятной внешнеполитической обстановки, чтобы получить дополнительные гарантии стабильности политических границ с восточным соседом. В это же время появляется одно из первых, как тогда казалось, логичных объяснений наличия русской угрозы по отношению к Швеции-Норвегии.

Речь шла о том, что истинные интересы России в Скандинавии устремлены на захват незамерзающих фьордов в норвежском Финнмарке. Эту мысль сформулировал в конце 1830-х гг. британский консул Джон Райс Кроу, который стал ярым поборником распространения данной идеи в МИД Великобритании и Швеции-Норвегии. Она очень импонировала взглядам Оскара I на Россию и, кроме того, дополняла общий образ России, популярный среди большинства элиты Швеции-Норвегии. В 1840-е гг. Россия олицетворяла «жандарма Европы» — главной реакционной силы, которая сдерживала развитие европейского общества. Казалось очевидным, что основным мотивом внешней политики царской России в отношении Королевства было желание России расширить свои территориальные границы за счёт Норвегии и Швеции. Образ «русской угрозы» стал ориентиром в выстраивании внешнеполитической линии Швеции — Норвегии в отношении России. Этому потворствовали неуклюжие и противоречивые действия имперского МИДа в вопросе о трансграничных промыслах финских саамов [31, Zaikov K., с. 34–38; 13, Lähteenmäki M., с. 226].

Дело в том, что притязания финляндской стороны постоянно расширялись. Сенат настойчиво требовал изменить линию границы, утверждённую в 1826 г., или произвести обмен территориями. В 1840-е гг. финское население переживало сильнейший голод, и одним из спасений от голода стал рыбный промысел в Норвегии, которому препятствовали нормы саамского кодекса, налагавшие некоторые ограничения на прибрежную ловлю для финских лопарей. Российское правительство, опасаясь гибели имперских подданных, уступило Сенату и согласилось поддержать радикальную линию в переговорах с Объединённым Королевством¹⁰.

В 1840 г. Швеция-Норвегия предложила России обменяться территориями. Объектом был так называемый «финский выступ» норвежско-финского участка границы. В обмен Стокгольм предлагал России часть святых земель в Иерусалиме и собственность в Москве. Это

¹⁰ НАН, RA/PA-0409/V/L0003/boks — XIII.

предложение было положительно встречено в Санкт-Петербурге ещё и потому, что это предложение частично совпадало с проектом об обмене территориями, представленным ещё Александру I русским посланником в Стокгольме графом Сухтеленом в октябре 1826 г. накануне смерти императора.

Проект был изложен в депеше на имя вице-канцлера Нессельроде. Сухтелен предлагал вступить в новые переговоры со шведским правительством по пересмотру границы. Речь шла об обмене территориями, и Граф предлагал обменять пространство Великого княжества — так называемый Финский выступ — на часть бывших общих округов в Норвегии, находящихся от р. Паз до середины Варангерского фиорда (современное местечко Варангер ботн) и от него до р. Тана¹¹.

В 1840-е гг. Николай I решил взять проект Сухтелена за основу и в случае его одобрения шведским двором включить приобретённый южный Варангер в состав Великого княжества. Это позволяло Финляндии приобрести коридор к Арктическому побережью и решить проблему трансграничных промыслов. Тем не менее, это предложение было отклонено норвежским правительством. Последующие переговоры 1846–1848-х гг. также не дали результата: представители Норвегии уклонялись от предоставления финским лопарям каких-либо промысловых привилегий. Чувствуя некоторую тщетность попыток урегулировать вопрос на базе кодекса 1751 г., который был выгоден больше норвежским саами, имперский МИД решает признать действие саамского кодекса необязательным и вести переговоры более агрессивно.

В канун очередного раунда переговоров в 1851 г. на подготовительных межведомственных консультациях МИД России принял решение предъявить Норвегии ультиматум: Норвегия должна признать юридическую необязательность кодекса 1751 г. и принять предложение расширить промысловые права финских лопарей. Если Норвегия с этим не согласится, тогда Россия объявляла кодекс необязательным для исполнения и закрывала норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов.

Кураторы переговоров граф А.С. Меншиков и сенатор К.Ф.-Ф. Лангеншельда были уверены, что ультиматум склонит Норвегию принять российский проект. Они верили, что норвежская сторона пойдёт на уступку. Норвежские горные лопари нуждались в пастбищах на севере Финляндии не меньше финских лопарей в норвежских северных берегах. Никто не предполагал, что Норвегия будет пренебрегать интересами горных лопарей. Кроме того, российский МИД действительно считал, что сохранять какие-либо права для норвежских горных лопарей нет смысла, если преимущества получает лишь одна сторона [27, Зайков К.С., Тамицкий А.М., с. 638].

Резкое изменение позиции имперского МИД получило иное логическое объяснение в Швеции-Норвегии. Стокгольм интерпретировал российские претензии как потенциальное стремление России расширить в будущем свой суверенитет и аннексировать незамерзаю-

¹¹ АВПРИ, Ф.1. Адм. дела II-6. Д. 75. Ч. I. Л. 288–289.

щие гавани в норвежском Финнмарке. Норвежская сторона считала, что в будущем Россия может использовать финских мигрантов на территории Норвегии как предлог для выдвижения территориальных претензий. В этой ситуации «русская угроза», обрисованная Джоном Кроу, нашла плодотворную почву, которая в условиях общих антироссийских настроений в западной Европе казалась логичной. В 1848–1849 гг. Россия принимала активное участие в подавлении венгерского восстания на территории Австрийской империи, которое на долгие годы закрепило за Россией образ реакционной силы в Европе. И это тоже усилило антироссийские настроения в Стокгольме и Христиании, сделав чиновников Швеции-Норвегии очень восприимчивыми к антироссийской доктрине Кроу, а ситуация с переговорами о промыслах финских саамов лишь подтверждала их опасения. Поэтому Стокгольм предпочёл закрыть норвежско-финский участок границы для трансграничных промыслов, что и было сделано в 1852 г. [10, Palmstierna C.F., с. 294–295].

В 1850-е гг. в Норвегии сложилось впечатление, что одних российских гарантий неприкосновенности границ недостаточно. Недоверие к мотивам внешнеполитического курса России и желание получить дополнительные гарантии незыблемости границы 1826 г. подтолкнули Оскара I к новому политическому соглашению с Англией и Францией — главными соперниками России этого периода.

В канун завершения Крымской войны стало ясно, что Россия теряет статус европейского гегемона, и в ноябре 1855 г. между тремя игроками был подписан так называемый «ноябрьский трактат». Швеция-Норвегия обязалась не вступать в союз с Россией, взамен Великобритания и Франция гарантировали неприкосновенность границ Королевства.

На всём протяжении российско-норвежских рубежей от о. Кольто Яуре до устья р. Воряма граница получила чёткие политико-идеологические ориентиры. Это предопределило постепенную политизацию пограничных промыслов русских лопарей во второй половине XIX в.

Основным спорным моментом Конвенции 1826 г. был вопрос о промысловых правах части приграничных погостов скольтов, а именно земель пазрецких саамов на территории Швеции-Норвегии. Дело в том, что часть территорий их погоста, где располагались районы традиционного промысла (рыбной ловли, пастьбы овец и оленей), по итогам разграничения отошли к Швеции-Норвегии. Традиционные представления о пространстве и рубежах полукочевой культуры саамов не соответствовали политическому воображению пространства молодого норвежского государства, озабоченного достижением полной независимости, и потому стремившегося поскорее очертить границы собственной территории. В то же время Российская империя, чьё присутствие на Крайнем Севере обеспечивалось главным образом лояльностью саамских общин, имевших широкую автономию, была заинтересована скорее в сохранении экстерриториальных форм хозяйствования скольтов ради поддержания стабильности своей власти.

Частичным решением проблемы, вызванной механическим разделением погостов в 1826 г., стал так называемый «дополнительный протокол 1834 г.». Согласно ему, пазрецкие

саамы сохранили право сёмужьего промысла в бывших своих промысловых угодьях — рыбных тонях на территории, отошедшей к Швеции–Норвегии. Все остальные промыслы на территории Норвегии запрещались. Эта частичная поправка не делала договор 1826 г. в глазах скольтов менее несправедливым и ограничивающим их исконные владения. В то же время узаконенный дополнительным протоколом о границе сервитут тяготил норвежскую сторону и воспринимался как доказательство готовности России нарушить суверенитет соседнего государства. Поэтому в дальнейшем данный сервитут, принятый с целью защиты традиционной кочевой экономики коренных жителей пограничья, стал в истории российско-норвежских отношений предпосылкой возникновения проблемы так называемых «лопарских промыслов». Норвегия предпринимала попытки максимально ограничить объём промысловых прав скольтов на своей территории, а Россия — защитить эти права¹².

Благодаря распространению народного образования и нарастающей политической мобилизации в поддержку автономии Норвегии во второй половине XIX в. идея построения единого этнонационального государства начинает доминировать в норвежском обществе. Согласно этому пониманию политического пространства, территория государства соответствовала территории расселения нации, которая трактовалась в узком этнокультурном смысле. Соответственно, преобладание ненорвежского населения в Восточном Финнмарке и особенно в районе российско-норвежской границы воспринималось как иностранное вторжение — проникновение России на норвежскую землю. Новое национальное социальное воображение видело причину этого положения не в многовековой истории региона, а в незащищённости приграничных территорий [50, Niemi E., с. 153–158]. Опасения российской экспансии подпитывались муссированием на страницах российской прессы темы несправедливости границ 1826 г.¹³

Активное строительство национального государства в Норвегии и страх перед огромной многонациональной Российской империей, которая, как казалось норвежским властям и общественности, довлела над их маленькой страной, привели к тому, что незначительные промыслы скольтов на норвежской территории представлялись Норвегии символом российского присутствия.

До конца 70-х гг. XIX в. власти Финнмарка, опасаясь нового вовлечения Санкт-Петербурга в вопрос урегулирования промысловых территорий, закрывали глаза на то, что русские саамы нарушали статьи протокола 1834 г. В 1880-е гг. ситуация изменилась. Реальной причиной для этого стал рост промысловой конкуренции саамов с норвежскими колонистами. Норвежцы стали использовать более прогрессивные методы лова рыбы, и конкуренция за сёмужьи тони стали приобретать неравный характер. Сервитут 1834 г. был крайне неудобен для жителей Финнмарка, и в этом смысле включение проблемы лопарских промыслов в контекст доктрины русской угрозы служило дополнительной аргументацией для

¹² АВПРИ. Ф. II Деп. I-3 Оп. 446. Д. 104 — л. 238-243; 41, НАН. RA/UD, Prebensen samling, G05/10/boks 5213.

¹³ НАН, RA/UD, Prebensen samling; 41, НАН, RA/UD, G05/10/boks 5213; АГВ 1877.

продвижения в Христиании и Стокгольме идей о выходе Швеции-Норвегии из протокола 1834 г., с тем чтобы сделать российско-норвежскую границу более герметичной¹⁴.

В России, пусть и с опозданием на несколько десятилетий, также наблюдалось переосмысление проблемы лопарских промыслов. На рубеже XIX–XX вв. Россия постепенно начинает догонять Норвегию в развитии политической мысли, на территории империи начинает кристаллизоваться идеология русского этнического национализма, постепенно проникая и в Архангельскую губернию [33, Tolz V., с. 16–17, 174–175; 34, Hosking G., с. 449–462].

Этот национализм смешивался с прежним имперским патриотизмом, и можно сказать, что региональная интеллигенция и чиновничество были охвачены своего рода имперским национализмом — идеей культурной и экономической консолидации Русского Севера, где единое этнокультурное пространство рассматривалось необходимым фактором обеспечения социально-экономического развития региона. Собственно, само понятие «Русский Север» появилось и стало активно употребляться в публицистике и научной исторической литературе в 90-е гг. XIX в. Эта обобщающая и унифицирующая категория пришла на смену прежнему восприятию региона как совокупности отдельных земель и групп местного населения (лопарей, поморов, ненцев).

Комплекс русского имперского национализма опирался в том числе на концепцию «естественных границ», получившую широкое распространение во второй половине XIX в., которая позволяла согласовывать идею исторической национальной территории с политической экспансионизма. Многие из официальных лиц и журналистов, которые путешествовали вдоль российско-норвежской границы, обращали внимание на странный «выступ», не соответствовавший современному «научному» принципу естественных границ. «Искусственный характер» границы на участке от церкви Бориса и Глеба и далее на юго-восток до р. Ворьема привёл к потере сёмужьих тоней пазрецких саамов. Так, спустя более полувека уже в совсем ином интеллектуальном и политическом климате вновь актуализировалась проблема «лопарских промыслов»¹⁵.

Новая и более масштабная национальная мобилизация вокруг проблемы северных границ поддерживалась в начале XX в. региональной и столичной прессой, вставшей на защиту «лопарских промыслов» в Норвегии. Теперь уже речь шла не о защите традиционных привилегий саамов, а о противодействии угрозы ущемления «русских» (которыми в данном случае признавались православные саамы). Призывая к пересмотру границы 1826 г., на страницах газет постоянно обращались к образу «старой границы», т. е. линии разграничения, которую в 20-е г. XIX в. предлагал генерал-губернатор Степан Иванович Миницкий [35, с. 30–56].

¹⁴ НИА; HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/11.

¹⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 31. Д. 452; Очерк, 1895: 36; 42, РГИА. Ф. 560. Оп. 28. Д. 520. — л. 1-13; ГАО. Ф. 4. оп. 16 т. 1. д. 988 — л. 4–14; 43, АВПРИ. Ф. 155, 1–5. Оп. 930. Д. 2. — л. 168 об.

Рост взаимного недоверия и обвинений в экспансионистских планах привёл к переговорам между российскими и норвежскими дипломатами в 1896–1903 гг. МИД России поддерживал позицию архангельской общественности, на волне национальной консолидации и мобилизации сформулировавшей программу реванша за «территориальную уступку» 1826 г.: во исполнение «морального долга перед лопарями» оформить сёмужьи тони скольтов на норвежской территории в частную собственность, включающую запрет на промыслы в тонях для подданных Норвегии¹⁶ [36, Похлебкин В.В., с. 74]. Норвежская сторона, стремившаяся к ликвидации сервитутов, наоборот, попыталась прощупать возможности одностороннего выхода из протокола 1834 г. или хотя бы максимального ограничить промысловую деятельность российских саамов [12, Andresen A., с. 80–100].

Переговоры закончились ничем. Идея добиться экстерриториальности не только для своих подданных, но и их промысловых угодий на территории соседнего суверенного государства не нашла понимания у норвежской стороны. Не удалось российским дипломатам зафиксировать в официальном договоре режим «фронттира», позволяющий пазрецким скольтам дополнять ловлю сёмги всеми сопутствующими промыслами (пастьбой оленей и овец, ловом остальных видов рыб), разрешёнными норвежцами в 1861 г.

В 1905 г. в разгар кризиса унии Норвегии и Швеции у России появилась возможность изменить сложившийся в ноябре 1855 г. геополитический расклад сил в Скандинавии. Возможный выход Норвегии из унии давал возможность ослабить на полуострове влияние Великобритании.

В это время борьба блоков Антанты и Тройственного Союза за раздел сфер влияния в мире постепенно вела к большой войне. России необходимо было обезопасить свои северные рубежи от гипотетической угрозы, которая могла исходить от северного направления. Выход же Норвегии из состава унии автоматически аннулировал действие договора 1855 г.

Независимая Норвегия была выгодна Санкт-Петербургу, однако Стокгольмский кабинет и Великобритания пытались запугать Норвегию русской угрозой с целью удержать её в унии. Российский МИД, избегая изоляционной позиции других держав в отношении признания норвежской независимости, пытался косвенно дать понять Христиании, что Россия готова поддержать её независимость [36, Похлебкин В.В., с. 12–16]. Это было продемонстрировано во время посещения Норвегии российским крейсером «Бакан» летом 1905 г. и во время переговоров о расторжении унии Швеции и Норвегии в Карлстаде в сентябре 1905 г. [36, Похлебкин В.В., с. 6].

11 октября 1905 г. глава МИД России В.Н. Ламздорф уверил норвежского премьер-министра Хр. Миккельсена, что Россия признает норвежское государство сразу по ратификации Карлстадских соглашений, и уже 29 числа Россия первой в мире признала норвежскую независимость. Открытые жесты России тем не менее не сняли опасения, что Норвегия в поиске более весомых гарантий территориальной целостности попытается вступить в альянс с

¹⁶ HI/Russian Missia; Norway/Missia; Sweden/Lapps/box127/11.

её противниками. В МИД из нескольких каналов Лондона и Стокгольма поступала информация, что Великобритания и Швеция пытаются восстановить антирусский ноябрьский трактат [36, Похлебкин В.В., с. 48–49].

Центральное место в ноябрьском договоре занимал вопрос о неприкосновенности границы, который для независимой Норвегии стал самым актуальным. Поводом для возникновения неуверенности стал страх, что Россия стремится завладеть южным Варангером. В этом контексте промысловые споры на российско-норвежской границе являлись удобным моментом для общественных манипуляций, подогреваемых шведской прессой.

МИД опасался, что норвежское правительство может поддаться этим настроениям. России необходимо было опередить соперников, первой объявить свои гарантии норвежской территориальной целостности и уверить Норвегию, что под лопарским вопросом нет каких-либо специальных политических соображений. Соответствующая нота была передана российским посланником в Христиании А.Н. Крупенским норвежскому министру иностранных дел Ю.Г. Лёвланду 7/20 декабря 1905 г. [36, Похлебкин В.В., с. 61–65]. Подтверждая дальнейшие миролюбивые и дружеские намерения России, нота содержала предложение заключить коллективный договор о гарантии территориальной целостности Норвегии.

Договор о целостности Норвегии (Договор об интегритете или Христианийская конвенция), заключённый в 1907 г., закрепил баланс сил в Северной Европе. Согласно этому договору, великие державы гарантировали территориальную целостность Норвегии. Первоначально Норвегия планировала заключить договор так, чтобы в случае необходимости она могла бы объединиться со Швецией и Данией для совместной защиты нейтралитета (первым норвежским королём стал датский принц Карл под именем Хокон VII). Это было невыгодно России, политика которой в скандинавском регионе была направлена на недопущение панскандинавского союза из-за опасения, что он будет проводить прогерманскую политику. Окончательный вариант договора устроил Россию, поскольку это соглашение препятствовало сближению Норвегии со Швецией, а также могло предупредить английское влияние на Норвегию. В итоге договор об интегритете Норвегии был подписан Британией, Францией, Германией и Россией в 1907 г.

Норвежский историк Йенс Петтер Нильсен писал, что после обретения независимости норвежское отношение к России можно охарактеризовать как «бьернсонское»: «Нужно выказать России доверие и установить с этой страной хорошие отношения, чтобы таким образом остановить её экспансионистские тенденции» [37, Нильсен Й.П., с. 22]. Тем не менее, определённые проблемы в русско-норвежских отношениях того периода были связаны с процессом делимитации морских границ в арктическом регионе. Многие норвежцы зарабатывали за пределами национальных границ: это касалось традиций рыбной ловли, китобойного и тюленьего промыслов. Поэтому Норвегия стремилась распространить свой суверенитет на некоторые островные арктические территории, а также заботилась о защите границ своих территориальных вод. В этой области столкновение интересов Норвегии и России при-

водило к конфликтам, разрешение которых оказывало влияние на отношения двух государств.

Например, определённые разногласия, связанные с действиями норвежских промышленников, вызвала проблема Новой Земли. В 1908 г. А.Н. Крупенский, российский посол в Норвегии, прокомментировал в письме министру иностранных дел А.П. Извольскому ситуацию с объявлением шкиперским обществом г. Тромсё северной части Новой Земли «ничейной землей». Он отмечал, что это было сделано с целью «закрепить за норвежскими зверобоями право промысла на Новой Земле» [38, Комаров А.А., с. 39]. Позиция России по этому вопросу была непоколебимой: таких зверобоев Крупенский называл браконьерами. Позже Норвегия признала, что Новая Земля является частью Российской империи.

Экономические контакты на Севере и связанные с ними неизбежные противоречия также оказывали влияние на восприятие России. В декабре 1910 г. в «Новом времени», общественно-политической газете, которая издавалась в Санкт-Петербурге, появилась статья под названием «Север и его промышленные богатства». Основное содержание этого текста можно свести к следующему: норвежцы, которые вели рыбный промысел у берегов Мурманна, обвинялись в браконьерстве и даже в пиратских нападениях на поморские суда. Эта статья вызвала серьёзное возмущение в норвежской печати, при этом не последнюю роль в этом процессе сыграл Олаф Брок, который перевёл её на норвежский язык.

Как мы уже отмечали, Олаф Брок во многом идеализировал русский народ и при этом критиковал государство. Как профессиональный славист, он неоднократно отмечал, что среди политических деятелей России очень мало русских фамилий. В революции 1905–1907 гг. Брок видел надежду для русского народа. Однако, когда революционное движение пошло на спад, Брок критиковал возвращение к «старому режиму», поскольку это не решало ярко обозначенных в ходе революции проблем. Таким образом, публикация в «Новом времени» ещё раз убедила Брока в том, что к правительству Российской империи следует относиться настороженно.

Можно согласиться с мнением, что эти события стали первым «дипломатическим кризисом» [39, Нильсен Й.П., с. 4–17] в двусторонних русско-норвежских отношениях. Для самого Олафа Брока ситуация грозила утратой прямых связей с Россией; есть свидетельства того, что министр иностранных дел Норвегии Иргенс неоднократно обсуждал этот вопрос с представителями российской миссии в Христиании. В конечном итоге для Брока этот инцидент закончился благополучно, однако он свидетельствовал о том, что в русско-норвежских отношениях начала XX в. остаются существенные противоречия.

Заключение

Историю двусторонних отношений России и Швеции–Норвегии по динамике отношений и восприятия друг друга можно разделить на два периода: с 1814 по 1855 гг. и с 1855 по 1905 гг.

Период с 1814 по 1855 гг. в основном прошёл в условиях так называемой политики «союза 1812 года» или «политики добрососедства» между Россией и Швецией–Норвегией, сложившейся в результате альянса Карла Юхана и Александра I против Наполеона. Неудивительно, что этот период ознаменовался в истории двухсторонних отношений несколькими крупными достижениями дипломатии: делимитацией российско-норвежской границы в 1826 г. и подписанием нового торгового соглашения с Россией в 1838 г. В то же время политика добрососедства в 1840-е гг. постепенно начинает меняться в сторону политики недоверия к России и определённого страха перед ней. К середине 1850-х гг. образ «русской угрозы» окончательно утвердился как некая доктрина восприятия российской внешней политики в отношении Швеции–Норвегии, которая была популярна у либеральной элиты в Стокгольме и Христиании.

Под влиянием этого ассиметричного восприятия России в 1840–1850-е гг. происходило решение вопроса о трансграничных промыслах финских саамов на территории Норвегии, результаты обсуждения которого стали крупнейшим поражением российской дипломатии на Крайнем Севере первой половины XIX в. Однако окончательный поворот к политике сдерживания России на Крайнем Севере был сделан в 1855 г. с подписанием ноябрьского трактата между Швецией–Норвегией с одной стороны и Великобританией и Францией — с другой. Таким образом, ноябрьский договор стал своеобразным рубежом двухсторонних отношений в контексте восприятия соседства малого национального государства и большой империи, что имело далеко идущие последствия.

В период с 1855 по 1905 гг. образ русской угрозы становится одним из факторов выстраивания внутренней приграничной политики Норвегии, а также одним из факторов формирования повестки двухсторонних отношений. В то же время и в России, несмотря на достаточно сдержанное отношение МИД к ноябрьскому трактату и антироссийским настроениям в столицах Швеции — Норвегии, происходили серьёзные изменения. В 1870–1880-е гг. в среде чиновничества и интеллигенции Архангельской области, а с 1890-х гг. и среди столичных чиновников Российской империи постепенно начинает распространяться образ норвежской угрозы. И эти две асимметрии восприятия наиболее ярко нашли отражение в двухсторонних переговорах о трансграничных промыслах русских саамов на территории Норвегии в 1880–1905 гг.

Моральный долг перед «русскими лопарями» за несправедливое разграничение 1826 г. заставил власти империи попытаться пересмотреть условия договоров. Опасение неправомерного применения силы в отношении малого национального соседнего государства повлияло на неудачу этих переговоров. Представленный эпизод связан с вялотекущим приграничным конфликтом и иллюстрирует сложности ассиметричного соседства огромной империи с небольшим приграничным государством, испытывающим постоянное напряжение от такого соседства, но при этом стремящимся самоутвердиться за его счёт.

Список источников

1. Зайков К.С., Куприков Н.М., Куприков М.Ю. Северный фронт России и Норвегии XIII-XVII вв. // Былые годы. 2020. № 58 (4). С. 2272–2279. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
2. Zaikov K. Between the empire and the nation state: the problem of the Russian-Norwegian frontier and Sami occupation in the 19th–early 20th centuries // The Polar Journal. 2019. Vol. 9. No. 1. Pp. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>
3. Burke P. History and Social Theory. Cambridge: Polity, 2005. 224 p.
4. Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Под ред. Й.П. Нильсена. Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. 708 с.
5. Johnsen O.A. Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet. Kristiania: Dybwad, 1923. 357 p.
6. Подвысоцкий А. Русско-норвежское пограничье // Архангельские Губернские Ведомости. 1877. № 96. С. 6–7.
7. Голубцов Н. К истории разграничения России с Норвегией. Архангельск, 1910. 44 с.
8. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid // Grenser og grannelag i Nordens historie / Ed. by S. Imsen. Oslo, 2005. S. 387–415.
9. Lunde A. Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren. Vadsø, 1979. 887 s.
10. Palmstierna C.F. Sverige, Ryssland och England, 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar. Stockholm, 1932. S. 234–235.
11. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge // Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders / Ed. By T.N. Jackson, J.P. Nielsen. Moscow, 2005. Pp. 62–68.
12. Andresen A. Sií'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826. Kirkenes, 1989. 192 s.
13. Lähteenmäki M. The peoples of Lapland. Boundary demarcation and interaction in the North Callote from 1808 to 1889. Helsinki, 2006. 335 p.
14. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. Москва: Новое издательство, 2004. 335 с.
15. Lindberg F. Den Svenska utrikespolitikens historia III, 4, 1872-1914. Stockholm, 1958. 330 s.
16. Åcelius G. The “Russian menace” to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm, 1994. 455 p.
17. Niemi E. Vadsøs historie. Bind 1: Fra øyvær til kjøpstad (inntil 1833). Vadso: Vadsø kommune, 1983. 621 s.
18. Кристиансен Т. «Русские губят нас; они лишают нас средств к пропитанию...»: Русско-норвежские отношения на Крайнем Севере до 1820 года // Русский Сборник: Исследования по истории России / Под ред. О.Р. Айрапетова, М. Йовановича, М.А. Колерова, Б. Меннинга, П. Чейсти. Том VIII. Москва, 2010. С. 26–52.
19. Мейнандер Х. История Финляндии. Москва, 2008. 237 с.
20. Андерссон И. История Швеции. Москва: Издательство иностранной литературы, 1959. 408 с.
21. Чернышева О.В. Шведы о русских. По материалам начала XX века // Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 4. Москва: Наука, 2003. С. 102–125.
22. Мезин С.А. Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
23. Похлебкин В.В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Выпуск 1. Ведомства внешней политики и их руководители. Москва: Международные отношения, 1995. 288 с.
24. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Саамы в истории норвежско-российского пограничья: фактор напряженности или региональной интеграции? // Былые годы. 2015. № 37 (3). С. 519–535.
25. Голдин В.И., Зайков К.С., Тамицкий А.М. Роль карт и населения Крайнего Севера России и Норвегии XVIII в. в конструировании границ внутреннего суверенитета // Былые годы. 2015. № 38 (4). С. 849–864.
26. Зайков К.С. К новой границе. Трактат 1826 года // Сближение. Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / Под ред. Й.П. Нильсена. Москва: Издательство «Весь Мир». 2017. С. 44–64.

27. Зайков К.С., Тамицкий А.М. Финский фактор в истории Северного Фронта Российской империи 1809–1855 гг. // Былые годы. 2016. № 41 (3). С. 629–641.
28. Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Rusland gjennom tusen ar. Oslo: Gyldendal, 1992. 192 s.
29. Давыдов Р.А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX — начало XX в.) // Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сборник статей. Санкт-Петербург, 2009. С. 360–365.
30. Laing S. Dagbok frå eit opphald i Norge i åra 1834, 1835 og 1836. Med formål å undersøke den moralske tilstand og samfunnsøkonomiske forhold i landet, og levekåra for innbyggjarane. Oslo, 1997. 307 s.
31. Zaikov K. The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860 // Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009. Tromsø, 2010. Pp. 34–38.
32. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygging, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 // Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007 / Ed. by R.R. Balsvik, J.P. Nielsen. Stamsund, 2008. Pp. 153–158.
33. Tolz V. Inventing the Nation. Russia. London, 2001. 307 p.
34. Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? // Nations and Nationalism. 1998. Vol. 4. No. 4. Pp. 449–462.
35. Г.Л. Мурманский ветер в открытом океане // Военный Сборник. 1916. № 4. С. 30–56.
36. Признание Россией Норвежского Независимого Государства (сборник документов) / Под ред. В.В. Похлебкина. Москва: Соцэкгиз, 1958. 106 с.
37. Нильсен Й.П. «Старая» Россия и «новая» Норвегия (1905–1917): соседство без страха? // Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Сборник статей. Архангельск, 1997. С. 6–28.
38. Комаров А.А. «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905–1917): Сборник документов. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 400 с.
39. Нильсен Й.П. Новая Земля — «ничейная» земля? // Народы и культуры Баренцева региона. Тромсё, 1996. С. 4–17.

References

1. Zaykov K.S., Kuprikov N.M., Kuprikov M.Yu. Northern Frontier of Russia and Norway in the 13th-17th Centuries. *Bylye gody*, 2020, no. 58 (4), pp. 2272–2279. DOI: <https://doi.org/10.13187/bg.2020.4.2272>
2. Zaikov K. Between the Empire and the Nation State: The Problem of the Russian-Norwegian Frontier and Sami Occupation in the 19th–Early 20th Centuries. *The Polar Journal*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 154–174. DOI: <https://doi.org/10.1080/2154896X.2019.1618560>
3. Burke P. *History and Social Theory*. Cambridge, Polity, 2005, 224 p.
4. Nil'sen Y.P. *Rapprochement. Russia and Norway in 1814-1917*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, 708 p. (In Russ.)
5. Johnsen O.A. *Finmarkens politiske historie aktmæssig fremstillet*. Kristiania, Dybwad, 1923, 357 p.
6. Podvysotskiy A. The Russian-Norwegian Borderland. *Arkhangelskie Gubernskie Vedomosti*, 1877, no. 96, pp. 6–7.
7. Golubtsov H. *On the History of the Demarcation of Russia with Norway*. Arkhangelsk, 1910, 44 p. (In Russ.)
8. Niemi E. Etnisitet, nasjonalitet og grenseforhold i det nordligste Skandinavia fram til vår tid In: *Grenser og grannelag i Nordens historie*. Oslo, 2005, s. 387–415.
9. Lunde A. *Sør Varanger Historie Med bidrag av Povl Simonsen og Ørnulv Vorren*. Vadsø, 1979, 887 s.
10. Palmstierna C.F. *Sverige, Ryssland och England, 1833–1855. Kring Novembertraktatens förutsättningar*. Stockholm, 1932, s. 234–235.
11. Roginsky V.V. The 1826 Delimitation Convention between Norway and Russia: a Diplomatic Challenge. In: *Russia — Norway. Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005, pp. 62–68.

12. Andresen A. *Sii'daen som forsvant. Østsamene i Pasvik etter den norsk-russiske grensetrekningen i 1826*. Kirkenes, 1989, 192 s.
13. Lähteenmäki M. *The Peoples of Lapland. Boundary Demarcation and Interaction in the North Callote from 1808 to 1889*. Helsinki, 2006, 335 p.
14. Noymann I. *Using the "Other": Images of the East in the Formation of European Identities*. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2004, 335 p. (In Russ.)
15. Lindberg F. Den Svenska utrikespolitikens historia III, 4, 1872-1914. Stockholm, 1958, 330 s.
16. Åcelius G. *The "Russian Menace" to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism*. Stockholm, 1994, 455 p.
17. Niemi E. *Vadsøs historie. Bind 1: Fra øyvær til kjøpstad (inntil 1833)*. Vadso, Vadsø kommune, 1983, 621 s.
18. Kristiansen T. "Russians Ruin Us; They Deprive Us of Means of Subsistence...": Russian-Norwegian Relations in the Far North until 1820. In: *Russian Collection: Studies on the History of Russia. Volume 8*. Moscow, 2010, pp. 26–52. (In Russ.)
19. Meynander H. *The History of Finland*. Moscow, 2008, 237 p. (In Russ.)
20. Andersson I. *The History of Sweden*. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1959, 408 p. (In Russ.)
21. Chernysheva O.V. Swedes about Russians. Based on the Materials of the Beginning of the XX Century. In: *Northern Europe. Issues of History. Iss. 4*. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 102–125. (In Russ.)
22. Mezin S.A. Stereotypes of Russia in the European Social thought of the XVIII Century. *Questions of History*, 2002, no. 10, pp. 148–157.
23. Pokhlebkina V.V. *Foreign Policy of Russia, Russia and the USSR for 1000 Years in Names, Dates, Facts. Issue 1. Departments of Foreign Policy and Their Leaders*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1995, 288 p. (In Russ.)
24. Goldin V.I., Zaykov K.S., Tamitskiy A.M. Sami in the History of the Norwegian-Russian Borderland: Factor of Tension or Regional Integration? *Bylye gody*, 2015, no. 37 (3), pp. 519–535.
25. Goldin V.I., Zaykov K.S., Tamitskiy A.M. The Role of the XVIII Century Maps and the Population of the Higher North of Russia and Norway in the Construction of the Borders of the Internal Sovereignty. *Bylye gody*, 2015, no. 38 (4), pp. 849–864.
26. Zaykov K.S. Towards the New Border. The Treatise of 1826. In: *Rapprochement. Russia and Norway in 1814-1917*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2017, pp. 44–64. (In Russ.)
27. Zaykov K.S., Finnish Factor in the History of the Northern Frontier of the Russian Empire 1809–1855. *Bylye gody*, 2016, no. 41 (3), pp. 629–641.
28. Niemi E. Pomor: Nord-Norge og Nord-Russland gjennom tusen ar. Oslo, Gyldendal, 1992, 192 s.
29. Davydov R.A. Myth about the Russian Threat to Northern Norway and Its Influence on the Activities of the Russian Empire Authorities in the Euro-Arctic Region (Second Half of XIX - Beginning of XX Century). In: *Empires and Imperialism of New and Modern Times: A Collection of Articles*. Saint Petersburg, 2009, pp. 360–365. (In Russ.)
30. Laing S. *Dagbok frå eit opphald i Norge i åra 1834, 1835 og 1836. Med formål å undersøke den moralske tilstand og samfunnsøkonomiske forhold i landet, og levkåra for innbyggjarane*. Oslo, 1997, 307 s.
31. Zaikov K. The influence of the Russian factor in Norwegian-Finnish relations 1814–1860 In: *Norsk-Finskerelasjoner. Rapport fradet 34.nordnorske historieseminar Skibotn 25–27 September 2009*. Tromsø, 2010, pp. 34–38.
32. Niemi E. Kirka som grensefestning: kirkebygning, religiøs spenning og grensesikring i Finnmark. 1850–1940 In: *Forpost mot øst: fra Vardø og Finmarks historie 1307–2007: rapport fra det XXXII nordnorske historieseminar, Vardø 21–23 september 2007*. Stamsund, 2008, pp. 153–158.
33. Tolz V. *Inventing the Nation. Russia*. London, 2001, 307 p.
34. Hosking G. Can Russia Become a Nation-State? *Nations and Nationalism*, 1998, vol. 4, no. 4, pp. 449–462.
35. G.L. Murmansk Wind in the Open Ocean. *Voennyi Sbornik*, 1916, no. 4, pp. 30-56.
36. Pokhlebkina V.V. *Russia's Recognition of the Norwegian Independent State (Collection of Documents)*. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1958, 106 p. (In Russ.)

37. Nil'sen Y.P. "Old" Russia and "New" Norway (1905-1917): Neighbourhood without Fear? In: *Fear and Expectations: Russia and Norway in the Twentieth Century. Collection of Articles*. Arkhangelsk, 1997, pp. 6–28. (In Russ.)
38. Komarov A.A. "Old" Russia and "New" Norway: Russian-Norwegian Relations (1905-1917): *Collection of Documents*. Moscow, LENAND Publ., 2014, 400 p. (In Russ.)
39. Nil'sen Y.P. Novaya Zemlya — "No Man's Land"? In: *Peoples and Cultures of the Barents Region*. Tromsø, 1996, pp. 4–17. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 24.10.2024;
принята к публикации 05.11.2024*

Вклад авторов: все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов